

УДК - 81.411

Н.Е. ПЕТРОВА, доктор филологических наук, профессор, НГПУ им. К.Минина (Мининский университет), Нижний Новгород
, e-mail: petrova_ngpu@mail.ru

А.Н. МОРЕВА, старший преподаватель, НГПУ им. К.Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, e-mail: linguastya@yandex.ru

ТИПОЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ХОДОВ, РЕАЛИЗУЮЩИХ ТАКТИКУ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ ОБЪЕКТА РЕЦЕНЗИИ

N. E. Petrova, A. N. Moreva

TYPOLOGY OF COMMUNICATIVE COURSES THAT IMPLEMENT TACTIC OF THE POSITIVE PRESENTATION OF THE REVIEW'S OBJECT

В статье предпринимается попытка систематизации коммуникативных ходов, реализующих тактику положительной презентации объекта рецензии. Так как основной задачей данной тактики является оценка объекта рецензии, целесообразным представляется выбор в качестве основания классификации таких компонентов категории оценки, как субъект, объект и основание оценки. В зависимости от субъекта оценки выделены такие коммуникативные ходы, как впечатление от прочитанного, выражение личной симпатии, апелляция к чужому мнению, введение самооценки автора книги и т.д.; в зависимости от объекта оценки - утверждение достоинств произведения, позитивный прогноз, похвала, комплимент, указание на достижение писателя и т.д.; в зависимости от основания оценки - противопоставление типичному современному художественному тексту, продолжение традиций, апелляция к вечным ценностям и т.д. Многообразие и специфика проанализированных коммуникативных ходов в рамках тактики положительной презентации позволяет сделать вывод об установке рецензии на привлечение внимания читателя и стимулирование потребности приобрести книгу; усложнении авторского начала; персонализации оценки.

Ключевые слова: литературная рецензия, тактика положительной презентации, коммуникативный ход, оценка.

This article is an attempt to systematize the communicative courses that implement tactic of the positive presentation of the object of the review. Since the main objective of this tactic is to estimate the object of the review we consider that the basis of classification consists of such components of the evaluation as subject, object and the basis of the evaluation. Depending on the subject of the assessment we have allocated to such communicative moves as the impression from reading, personal expression of sympathy, appeal to the opinions of others, the introduction of self-assessment by the author of the book, etc.; depending on the evaluation object - the approval of the merits of the work, a positive outlook, praise, a compliment, an indication of the achievement of the writer, etc.; depending on the base - the typical juxtaposition of modern art with the text, the continuation of traditions, appeal to the eternal values, etc. The diversity and specificity of the analyzed communicative courses within the tactics positive presentation allows to make a conclusion about setting reviews to attract the reader's attention and stimulation needs to buy the book; the complexity of the category of the author, personalization assessment.

Keywords: literary review, tactic of the positive presentation, communicative course, critically evaluate.

Для жанра современной медийной рецензии характерно выдвижение на первый план рекламной функции, что обусловлено коммерциализацией литературно-критического процесса в целом и проявляется в стремлении критика при анализе художественного текста продемонстрировать исключительно достоинства, способные привлечь внимание читателя,

вызвать интерес и, в конечном итоге, желание приобрести книгу. При реализации данной коммуникативной интенции ведущую роль играет тактика положительной презентации объекта рецензии, имеющая своей целью создание привлекательного для читателя образа художественного произведения.

В данной статье предпринята попытка систематизации коммуникативных ходов, реализующих тактику положительной презентации объекта рецензии. В основу представленной классификации положено соотношение речевого действия и компонентов категории оценки.

Представить массовой аудитории положительную оценку объекта критики - основная задача тактики положительной презентации объекта рецензии. Оценка – сложная категория, обладающая определенной структурой [см. подробнее о категории оценки: 1, 2, 5, 7, 15-19]. В качестве основных ее компонентов ученые выделяют **субъект, объект и основание оценки** [11, с. 21-28]. Учет названных компонентов позволил систематизировать коммуникативные ходы, реализующие тактику положительной презентации объекта рецензии, связанную главным образом с выражением оценочной семантики. Так, в зависимости от **субъекта** оценки выделяются такие коммуникативные ходы, как *впечатление от прочитанного, выражение личной симпатии, совет (рекомендация), апелляция к чужому мнению, согласие/несогласие с чужим мнением, введение самооценки автора книги*; в зависимости от **объекта** оценки - *утверждение достоинств произведения, отрицание недостатков произведения, позитивный прогноз, характеристика образа потенциального читателя, похвала, комплимент, указание на достижение писателя и отрицание достижений писателя*; в зависимости от **основания** оценки - *противопоставление типичному современному художественному тексту, продолжение традиций, апелляция к вечным ценностям, указание на новизну, оригинальность объекта рецензии, указание на стилистическое совершенство*.

Не претендуя на исчерпывающий характер списка выделенных коммуникативных ходов, рассмотрим их разновидности, выделенные нами в зависимости от компонентов категории оценки.

1. Основание «субъект оценки». Здесь важно, кто позиционируется как субъект оценки.

1.1. В качестве субъекта оценки может выступать сам **критик**, выражая свое отношение к объекту рецензии, что определяется спецификой жанра. Рецензия предполагает изложение профессионального мнения критика о художественном произведении, подкрепленного анализом фактического материала. В зависимости от того, какой образ художественного произведения критик хочет сформировать в сознании адресата, происходит выбор материала и способа его представления. Лингвисты сходятся во мнении, что оценка, будучи важной составляющей категорией медийного текста, проявляется на всех его уровнях, начиная с отбора фактов реальной действительности, которые будут в определенной последовательности отражены в тексте. Поэтому оговорим, что в данном случае нас интересуют только те коммуникативные ходы (кх), где эксплицитно или имплицитно выражается мнение критика об объекте рецензии, о чем свидетельствуют языковые маркеры субъективной модальности.

Субъективное мнение критика выражается при помощи таких коммуникативных ходов, как *впечатление от прочитанного, выражение личной симпатии, совет (рекомендация)* и др.

КХ впечатление от прочитанного. Автор открыто выражает чувства и эмоции, которые вызывает у него прочтение произведения. В качестве языковых маркеров субъективной модальности выступает эмотивная лексика (*радует, впечатляют, поражают*), призванная, в первую очередь, воздействовать на чувственную сферу читателя, вызывая эмпатию. Прибегает критик и к интеллектуальной оценке (*интересны*), однако часто лишает ее доказательности, не приводя в подтверждение конкретного фактического материала, что говорит об использовании приема внушения, а не убеждения:

Очень интересны страницы, посвящённые природе, национальным обычаям, восточной экзотике тридцатых годов прошлого века. Впечатляют сочные красочные зарисовки китайской и японской кухни, рыбной ловли лосося, тунца и кальмара, ритуального «праздника невест» в глухой тибетской деревушке... (Подвиг разведчика. ЛГ 2014. №24); Первый шаг, то есть первая из объявленных книг, радуется свежестью слова и чувства и временами поражает остротой авторской мысли (Застой и «вселенная смыслов». ЛГ 2012. №45); Добавим, что читается эта книга как самый увлекательный исторический роман, от которого трудно оторваться (Пятикнижие № 16. ЛГ 2014. №16).

Для создания привлекательного образа объекта рецензии, способного эмоционально воздействовать на читателя, широко используются изобразительно-выразительные средства: эпитеты (*сочные красочные зарисовки, самый увлекательный исторический роман*), метафоры (*свежестью слова и чувства, остротой авторской мысли, от которого трудно оторваться*) и др.

КХ речевая маска "читатель" основан на том, что критик, как и адресат рецензии, является читателем книги. Описание собственных позитивных впечатлений, возникающих непосредственно в процессе чтения, является эффективным средством создания положительного образа рецензируемого произведения. Маска читателя – это не только психологический прием воздействия на адресата рецензии, но и популярный рекламный ход, когда в качестве потребителя того или иного товара выступает авторитетное лицо (ср., например: известный артист выступает в роли пользователя крема, обуви, мощного средства и пр.). Отсюда наличие в тексте языковых маркеров, указывающих на особенности протекания процесса чтения:

По сравнению с первой вторая книга умело собрана композиционно: трудно оторваться от череды переплетающихся врачебных и пионерских буден, и даже простенькая история в изложении «доктора Паровозова» звучит увлекательно (Пятикнижие № 15. ЛГ 2014. №15); Эту книгу невозможно закрыть, не дочитав последнюю страницу, то есть прежде всего это интересная книга (...). Я перечитал эту книгу дважды и не зарекусь, что ещё когда-нибудь не вернусь к ней (От первых лиц. ЛГ 2011. №16-17); Мне остаётся добавить, что книга, несмотря на огромный исследовательский материал, легко читается (Дом, славный дом. ЛГ 2014. №8); Написанная прекрасным русским языком, которым сегодня – увы! – владеют буквально единицы, «Чужая девочка» читается взахлёб («Не следуя канонам и правилам». ЛГ 2014. №21); Прочитать книгу с лёгкостью, между делом не получится: текст очень густ, насыщен фактами, умозаключениями, тонко метафоричен. Вчитываешься, вдумываешься... (Философия театра. ЛГ 2014. №12).

Как видно из приведенных примеров, при реализации данного коммуникативного хода широко используется лексика тематической группы "чтение": *не дочитав последнюю страницу, книгу невозможно закрыть, перечитал, читается, вчитываешься*. Отметим, что в качестве достоинства книги может выступать указание как на легкость и быстроту ее прочтения (*трудно оторваться, легко, взахлёб*), так и на сложность погружения в текст (*вчитываешься, вдумываешься*). Данная особенность обусловлена ориентацией на разный тип читателя: на читателя массового, увлекающегося прежде всего сюжетом, и на читателя достаточно образованного, способного к более глубокому восприятию художественного текста.

Выражение критиком собственных впечатлений от прочитанного способствует интимизации общения, делает его более искренним. Такая открытость критика ("беседа по душам") должна вызвать доверие адресата к выносимым оценкам и подтолкнуть его ко вполне определенным действиям:

Чем ещё замечательна книга: хочется немедленно узнать о её героях всё! Закрыв её, начинаешь перечитывать стихи, отыскивать письма, мемуары и биографии – всё для того, чтобы продолжить диалог с увлекательным и парадоксальным собеседником (Вынутые шпильки. ЛГ 2013. №6).

КХ выражение личной симпатии. Критик открыто выражает свое отношение не только к произведению, но и к автору, подчеркивая свое личное знакомство с ним и связанные с этим позитивные чувства. Непосредственное знакомство критика с писателем, возвышает первого в глазах читателя, позволяет завоевать доверие. Для данного хода характерна субъективация повествования (повествование от первого лица), использование собственных имен, глаголов прошедшего времени, способствующих созданию мемуарного стиля:

А для меня Эдуард Балашов и учитель жизни, и мастер Литературного института, где я училась у него на семинаре поэзии. Балашов не только объяснял, какова ценность поэзии, но и направлял в мудрости, не каждодневной, а той, с которой нестрашно жить и нестрашно умереть. Той, которая ничего не стоит без доброго сердца: «Высшая мудрость – доброта» (Доверься учителю. ЛГ 2015. №1-2); Но я не буду заламывать руки и превращаться в литературоведа, критика и биографа. Я просто читатель. Читатель, влюбившийся в Аркадия Аверченко ещё в раннем детстве и любящий его до сих пор (Не читайте этой книги! ЛГ 2011. №11-12).

КХ совет (рекомендация). Используя данный ход, критик выступает в роли наставника, помощника, давая добрый совет автору или рекомендуя (рекламируя) издание читателю. Рекомендация профессионала, коим является критик, должна служить в глазах читателя средством подтверждения высокого качества книги. На языковом уровне используется модальная лексика или слова, содержащие названные коммуникативные интенции в своей семантике (*советуем, рекомендуем*):

А потому детям в возрасте от шести до примерно десяти лет мы охотно рекомендуем эту книжку – она, пожалуй, им понравится! (Пятикнижие № 25. ЛГ 2014. №25); Вообще, non-fiction достойно оттеняет, проясняет и высвечивает страницы поэтического дневника. Который ведётся вот уже двадцать лет: Ткала Пенелопа. Хранила она // для мужа заблудшего сердце.// Я столько уже наткала полотна – // всем ангелам хватит одеться.

Думается всё-таки, что ещё далеко не всем. А значит, надо ткать дальше (Полотно для ангелов. ЛГ 2012. №36).

1.2. В качестве субъекта оценки может выступать **третье лицо**, как правило, это другой критик, чье мнение вводится в текст рецензии. В этом случае мы выделяем следующие коммуникативные ходы.

КХ апелляция к чужому мнению. Необходимо отметить, что обязательной чертой современного медийного текста является полифоничность: в текст вводится "чужая" информация, позволяющая представить точки зрения третьих лиц по обсуждаемому вопросу.

Вербализация данного коммуникативного хода осуществляется за счет использования прямой, несобственно-прямой или косвенной речи, в тексте рецензии употребляются имена собственные, называющие субъекта мнения, или наименования его профессиональной, социальной принадлежности:

Трагичность мироощущения поэта верно почувствовал его товарищ Олег Радзинский: «Стихи Александра Лебедева на протяжении более чем тридцати лет отличаются абсолютным тематическим постоянством: это предчувствие беды, её неизбежность...». О многослойной смысловой поэтической ткани произведений Лебедева очень точно написал Евгений Рейн: «Стихи Александра Лебедева ещё раз подтверждают не новую мысль о том, что главное в стихах – не содержание, а содержательность, и она у него глубока...» («Не осуди за невозможность счастья»). ЛГ 2014. №51-52).

Выражение оценки чужими устами позволяет объективировать ее в глазах читателя. Однако часто прямая речь, используемая для передачи чужого мнения, сопровождается словами автора (в данном случае критика), содержащими оценку чужого высказывания с позиции верно/неверно (*верно, точно, справедливо*). Это позволяет рецензенту создать установку читателя на определенное восприятие чужих слов.

Отметим, что в зависимости от выбранной критиком стратегии, данный коммуникативный ход может использоваться с целью демонстрации единогласия среди критиков в оценке произведения (см. предыдущий пример) или, наоборот, представления различных мнений:

Женщины сразу заявили, что эта книга – действенное оружие в войне против мужчин. Хотя, по мнению автора, «роман этот вовсе не был задуман как рупор движения за женское освобождение». А повествовал о многих женских чувствах, об агрессии, негодовании, обидах. С другой стороны, многих представительниц прекрасного пола «Золотая тетрадь» рассердила. То, что они готовы обсуждать с другими дамами, когда ворчат на своих кухнях, жалуется, сплетничают, – какой-нибудь мужчина может подслушать. Такие противоречивые отношения читательниц – залог бесспорной удачи автора, отметившего на днях своё 90-летие («ЛГ» - рейтинг. ЛГ 2009. №45).

В данном примере, несмотря на отрицательное чужое мнение, реализуется положительная презентация, так как цель критика в данном случае не продемонстрировать солидарность читателей в вынесении оценок, а указать на общественный резонанс книги, которая никого не оставила равнодушным.

Чужое мнение может быть самоценным при характеристике рецензируемого произведения или служить поводом для оценочного высказывания (в виде ответной реакции) со стороны критика. Последнее позволяет выделить кх согласие/несогласие с чужим мнением.

КХ согласие с чужим мнением: *Эта книга – своеобразный срез ХХ века с его, как справедливо сказано в издательской аннотации, «героизмом и беспощадностью, с цинизмом и наивностью, но и одновременно высочайшими творческими взлётами...»* (На фоне противоречий. ЛГ 2014. №13); *Я думал, что мне удастся первым откликнуться на замечательную книжную новинку. Однако, как оказалось, меня опередил вездесущий «МК», который посвятил «Богеме» Сергея Муравина свой моментальный отклик. Приведу только одну фразу: «Прекрасное и одновременно серьёзное чтение...». И знаете, как ни странно, но с этим нельзя не согласиться* (Застой и «вселенная смыслов». ЛГ 2012. №45); *Книгу Манро предваряют несколько страниц различных, в целом – комплиментарных отзывов, от пытающихся дать аналитическую оценку: «Рассказы остроумные, великолепные и трагичные. Подобно погоде, они окутывают читателя ещё много часов спустя после прочтения» «Houston Chronicle» до простодушно восторженных: «Мурашки по коже! Это просто незабываемо!» «The New York Observer». Если внимательно прочесть «Беглянку», это не покажется преувеличением* (Пятикнижие № 50. ЛГ 2014. №50).

КХ несогласие с чужим мнением: *Когда писательница из Канады (там она, кстати, довольно известна) в прошлом году получила Нобелевскую премию, мнения наших критиков почти единодушно слились в смешанную ноту возмущения и зависти: дескать, нашли, кому дать, это всё политические игры и т.д., и т.п. Эдуард Лимонов высказался, как всегда, резко и едко: мол, Нобелевку начали давать травоядным писателям! Однако вряд ли кто-то из них прочёл хотя бы одну книгу (даже не обязательно эту, тринадцатую по счёту) рассказов Манро полностью и вдумчиво. Да, она не эпатажна, да, она сдержанна, уж простите, Эдуард Вениаминович (Почему Кучерская – не Манро. ЛГ 2014. №21); Именно потому я не могу согласиться с мнением первого рецензента о двух параллельных линиях повести. Наоборот, мне в этом видится разоблачение сегодняшних издательских технологий* (Застой и «вселенная смыслов». ЛГ 2012. №45).

Оба коммуникативных хода предполагают «возврат инициативы» в выражении оценки, так что последнее слово остается за автором рецензии. В рамках тактики положительной презентации средством позитивной оценки будет служить согласие с чужим мнением, если в нем содержится положительная оценка объекта рецензии, или несогласие с чужим мнением, если оно содержит отрицательную оценку объекта рецензии.

1.3. В качестве субъекта оценки может выступать сам объект рецензии. В этом случае используется кх введение самооценки автора книги. В текст рецензии

вводятся рефлексивные высказывания автора художественного произведения, заставляющие читателя представить писателя-человека, почувствовать его индивидуальность, что работает на общий стратегический план. В тексте рецензии широко используется цитация, содержится указание на автоадресацию прямой речи (*сам, свой, собственный и др.*):

Сам автор характеризует свою книгу как «окно в другое измерение» – на мой взгляд, очень ёмкое и точное определение (Не победители, не побеждённые. ЛГ 2012. №32-33); **В заключительном слове к своей книге Ирина Мягкова пишет: «Найти жилу или скважину сразу и разрабатывать её всю жизнь у меня не получилось. Я всегда начинала рыть и бурить заново, соотносясь с обстоятельствами, где-то РЯДОМ с нужным местом... Получается, что жила я не вглубь, а вширь, постоянно догоняя профессию, путешествуя в занятиях и в людях, как по странам, не следуя канонам и правилам...».** **Наверное, в этом и сокрыто главное обаяние и главный урок книги...** («Не следуя канонам и правилам»). ЛГ 2014. №21).

2. Основание «объект оценки». Объектом литературной рецензии является художественная книга как целое, включающее сам текст и его создателей, причем к последним относится не только автор произведения, но и редактор, корректор, издатель. Поэтому оценка текста всегда сопряжена с оценкой его творцов (и наоборот), что хорошо иллюстрирует следующий пример:

К счастью, в этом случае автору удалось создать милые и запоминающиеся образы, насытить книгу юмором, придумать неизбитые детали и сюжетные ходы (Пятикнижие № 25. ЛГ 2014. №25).

Однако для удобства анализа выделим в объекте оценки такие самоценные для изучения составляющие, как произведение и его создатель. В зависимости от отнесения оценки к одному из них, используются разные коммуникативные ходы.

2.1. Объект оценки - художественное произведение. Именно текст книги, в первую очередь, подвергается анализу критика. В рамках тактики положительной презентации необходимо продемонстрировать достоинства художественного произведения, что реализуется за счет двух основных коммуникативных ходов: утверждение достоинств/отрицание недостатков произведения.

КХ утверждение достоинств произведения. Для того чтобы оценка критика была убедительной и читатель согласился с ней, необходимо показать, чем ценно рецензируемое произведение, подчеркнуть и обосновать достоинства последнего. Оценивается идейно-тематическая составляющая, сюжет, образная система, композиция, проблематика, языковое воплощение. При обилии лексики с положительной оценочной семантикой на реализацию данного хода могут указывать такие языковые маркеры дискурса «анализ художественного текста», как *сильная сторона, главное достоинство, образ, композиция, замысел* и др.:

Перед нами не только рассказ знающего человека. И не только художественное произведение с мужскими образами яркими и сильными, запоминающимися и реалистичными, что само по себе замечательно. Перед нами – удивительное дело! – русский роман с традиционной русской проблематикой (Всполохи русского мира. ЛГ 2014. №16); **Сильной стороной книги становятся те её места, где рассматриваются вопросы, связанные с восприятием Островского в критике, журналистике, литературоведении** (Островский от А до Я. ЛГ 2012. №49); **В них «всё на русском языке». Они запоминаются неожиданной точностью и глубиной образа, пронзительной искренностью, им свойственны обаяние и лёгкость интонации. И это редкое сочетание глубины и «неслыханной простоты» рождает ответное читательское доверие** (Дорогие мои люди! ЛГ 2012. №40); **Но главное достоинство книги – смелое и плодотворное композиционное решение, а может, и сам творческий импульс или замысел автора** (От первых лиц. ЛГ 2011. №16-17); **Несомненное достоинство книги – упор на объём даваемой читателям информации, её достоверность, содержательность, глубину.** (Ракурс и объём. ЛГ 2014. №23).

КХ отрицание недостатков произведения. В этом случае положительная оценка книги строится "от противного": критик перечисляет недостатки, которые отсутствуют в произведении. На языковом уровне это осуществляется за счет использования на фоне слов, выражающих негативную оценку, лексики с семантикой отрицания и/или отсутствия (*лишены, отсутствует, никакой*):

При этом Карасёв ничуть не экзальтирован, скорее, сдержан; поступь его фразовиков нетороплива и вдумчива; никакой пышной и причудливой образности (Пройти босиком по крапиве. ЛГ 2014. №15); *В этой неожиданной прозе почти нет диалогов, случайных сцен и эпизодов* – из прозаического текста убрано всё лишнее, что тормозило бы динамику книги, отжата «литературная вода», с помощью которой набирают издательские объёмы. *Остаётся только суть, только стремительное действие* (Застой и «вселенная смыслов». ЛГ 2012. №45); *Это настоящие стихи, в которых нет ни капли фальши* (Из Крыма, искренне. ЛГ 2014. №13); *Стихи Е. Гусева, лишённые надрывного пафоса и велеречивой зауми, неизменно трогают душу своей чистотой и ясностью, теплотой и исповедальной открытостью* (Дорогие мои люди! ЛГ 2012. №40).

КХ позитивный прогноз. Положительная оценка рецензируемой книги может преподноситься как прогнозирование ее востребованности и популярности среди широкого круга читателей в силу определенных достоинств. Отсюда использование форм глаголов будущего времени с семантикой долженствования и модальной лексики со значением гипотетичности:

Небольшой по объёму, со вкусом иллюстрированный, прекрасно переведённый Яковом Гуревичем, «Древний Рим в биографиях» может служить и популярным справочником по всем разделам истории Древнего Рима (Город патрициев и плебеев. ЛГ 2014. №25); *Пусть они выходят малыми тиражами, достаются немногим читателям, которые, листая страницы таких книг, выходят из летаргического мерцания букридеров. За такими книгами, как три маленькие повести Сергея Муравина – «СССР: БОГЕМА (non-fiction)», «Псевдоним» (литературный трагифарс) и «печальная повесть» «Кровинка» – реальное будущее* (Застой и «вселенная смыслов». ЛГ 2012. №45); *Эта книга заинтересует читателей разных возрастов. Дети, начиная с 5–6 лет, будут не раз и не два рассматривать картинки и зачитываться приключениями героев, попадающих в самые фантастические ситуации. Взрослые испытают эстетическое наслаждение (...)* (Пятикнижие № 19. ЛГ 2014. №19).

КХ образ потенциального читателя моделирует в тексте рецензии привлекательный образ читательской аудитории, которую, по мнению критика, должна заинтересовать рецензируемая книга. Это позволяет ярко, но ненавязчиво оттенить достоинства последней:

Думается, что книга найдёт отклик не только у исследователей истории мировой литературы, но и у интеллектуального читателя. Такое пересечение границы можно только приветствовать (Пересёкшие границу. ЛГ 2012. №27); *Книжку «Болят ли у рыбы зубы» я бы лишь условно отнёс к детским. Она из разряда таких «детских» книг, какие писали русские классики, – «Детство Никиты» Алексея Толстого, «Детские годы Багрова-внука» Сергея Аксакова, «Кладовая солнца» Михаила Пришвина. То есть книг, которые способны увлечь всех, кто независимо от возраста сохранил в себе способность удивляться большим и малым чудесам этого мира* (Чудеса на ледяных широтах. ЛГ 2012. №32-33); *В общем, умело скомпонованный сборник подарит радость всем, кому важно, чтобы «кратко, скупое, чёткое, как эссенция, как жемчуг» (высказывание Слёзкина) были раскрыты минуты высочайшего жизненного напряжения, кому дорог «размах непринужденности», которым был одарён от природы мастер. А если он узнает, что ещё много вещей писателя не переиздано, то будет искать имя этого писателя в анонсах и объявлениях, чтобы успеть купить* (Кратко, скупое, чёткое. ЛГ 2014. №23).

Такой ход – своего рода уловка критика, рассчитанная на определенный перлокутивный эффект. Каждый здравомыслящий человек хочет соответствовать типу

«интеллектуального» читателя, а осознание общности с этим типом позволит адресату рецензии определиться с выбором книги.

2.2. Объект оценки - создатель книги. Несмотря на то, что давать оценку личности писателя, а не его творчеству не совсем корректно, для медийной рецензии это характерно: в рамках тактики положительной презентации критик зачастую стремится не только разрекламировать книгу, но и создать положительный имидж автора. Реализация данной коммуникативной интенции осуществляется за счет таких коммуникативных ходов, как похвала, комплимент, указание на достижение писателя и отрицание достижений писателя.

Стремление выразить положительную оценку писателя сближает кх похвала и кх комплимент. В то же время каждый из них имеет существенные особенности, позволяющие отличить один ход от другого. Так, О. С. Иссерс выделяет как минимум три параметра разграничения: функцию, целеустановку и пропозициональное содержание [12, с. 177-191].

В качестве основной функции искреннего комплимента исследователь называет "установление контакта и поддержание добрых отношений" [12, с. 178] и относит комплимент к эмоционально настраивающим тактикам (в ее терминологии комплимент - это тактика), в то время как основная функция похвалы – оценочность.

С точки зрения целеустановки, главное отличие заключается в том, что для похвалы положительная оценка является основной целью, а для комплимента - способом сообщить о добрых чувствах, о благорасположении" [12, с. 178].

На уровне пропозиционального содержания похвала "предполагает оценку качеств, знаний, умений адресата. То есть в область диктума включается поступок, действия, качества личности, проявленные при каких-либо обстоятельствах" [12, с. 179]. Комплимент же связан с качествами личности внешними и внутренними, присущими человеку вне зависимости от конкретных обстоятельств.

Так как выявить истинную целеустановку автора и в соответствии с ней определить функцию данного хода представляется достаточно сложным и не всегда осуществимым, в качестве основного параметра разграничения выступает пропозициональное содержание: комплимент подразумевает апелляцию к внешнему виду, характеру, интеллектуальным способностям (то, что заложено в человеке, непроцессуальные признаки [см. об этом: 20]), похвала – к действиям, поступкам (процессуальные признаки [см. об этом: 20]). Кроме того, похвала, как правило, обосновывается (хвалить кого? за что?), в то время как комплимент (кому?) не предполагает доказательств.

КХ комплимент. Для данного хода характерно использование лексики, выражающей положительную оценку, ориентированную на лицо (в наших примерах – слова *мастер, талант, чутье, мастеровитый, подкованный*), а также оценочных определений, подчеркивающих высокую степень положительного признака (*непревзойденный, абсолютный, безошибочно*).

Либан был непревзойдённым мастером именно устного слова – а это талант куда более редкий, чем писательское мастерство. Ему было дано воздействовать на слушателей так, что результат оказывался, как говаривал он сам, «видимым», очевидным (Русский человек всё может. ЛГ 2014. №14); Галина Гампер давно и заслуженно считается одним из поэтов, определяющих лицо петербургской поэтической школы (Убыстряющая ход. ЛГ 2014. №14); У Карасёва своя интонация. Ни на чью другую не похожая. Узнаваемая. (...) Евгений Карасёв наделён абсолютным чутьём, безошибочно отделяющим подлинное от фальшивого (Пройти босиком по крапиве. ЛГ 2014. №15); По прочтении понимаешь, что сердце у поэта большое – хватит на всех (Пятикнижие № 25. ЛГ 2014. №25); Майя Кучерская – автор, несомненно, мастеровитый, филологически подкованный (Почему Кучерская – не Манро. ЛГ 2014. №21); Веркин – определённо один из лучших современных авторов, пишущих для подростков (По живому. ЛГ 2014. №22).

КХ похвала. Пропозициональным содержанием данного хода является положительная оценка качеств текста, в котором отразились оригинальность автора, наличие

собственного стиля, его профессионализм, следование нравственным идеалам. При этом в отличие от комплимента, как правило, подчеркивается, каким образом автору удалось добиться тех или иных результатов. Об использовании данного хода сигнализируют лексемы с обобщающим значением "достижение определенных результатов" (сумел, удалось, получилось), а в качестве субъекта этих достижений выступает автор рецензируемого произведения:

В путаное и противоречивое явление, называемое историческим процессом, Г.В. Штоль сумел внести академическую чёткость и ясность. Основываясь на известных легендах, документах и свидетельствах, каждый период истории Рима он описывает через его героев – политиков и полководцев. Просто, без позднейших психологических затей, но с глубокой достоверностью представляет он биографии всем известных, казалось бы, людей: Брута, Цинцинната, Лукулла, Помпея, Октавиана Августа, и с их помощью мы знакомимся с бытом и героическими характерами Ранней республики, с кровавыми интригами войны патрициев и плебеев, с блестящими военными операциями предшественников Цезаря (Город патрициев и плебеев. ЛГ 2014. №25); Что точно удалось Красновой – если не стать вровень со своим кумиром и не превзойти его, то выработать самобытную интонацию, будучи счастливо лишённой «есенищины» (в смысле подражательщины), переняв лучшие черты его лирики – народность, эмоциональную распахнутость, смысловую внятность – и при этом сохраняя статус явления. Явления, о котором ещё предстоит говорить (Талант как отклонение от нормы. ЛГ 2011. №51); Е. Гусев пишет в традиционной русской классической манере, оставаясь самим собой, то есть сохраняя свой индивидуальный стиль и форму, свой голос. И в целом создаётся ощущение удивительно светлого поэтического мира. (...)В книге «Спасибо вам...» много человеческого, непридуманного, щемящего. Хотя автор в первую очередь – лирик, он не сторонится и остросоциальной темы(...) (Дорогие мои люди! ЛГ 2012. №40).

КХ указание на достижения автора. В текст рецензии вводится фактологическая информация (участие писателя в литературных конкурсах, присуждение ему премий, рейтинговые показатели, наличие наград и почетных званий). Информация такого рода должна повысить статус автора книги, так как демонстрирует общественное признание его литературного таланта:

Поэтический труд Л.Г. Фадеева отмечен литературной премией им. Константина Симонова, Всероссийской премией им. Н.А. Некрасова (Пятикнижие № 24. ЛГ 2014. №24); Ещё одна книга из так называемого «списка 15», рекомендованного конкурсом «Дебют» для повсеместного прочтения (Энд. Зато хеппи. Л.Г. 2009. №3-4); Михаил Елизаров – лауреат «Русского Букера» за 2008 год<...> (Заводной апельсин третьей свежести. ЛГ 2010. №23); В прошлом году эта повесть молодой писательницы из Ярославля заслужила высокую оценку членов жюри конкурса «Новая детская книга». Эту работу отметила Юнна Мориц, а Тутту Ларсен и Бориса Кузнецова подкупила способность автора быть настоящим в настоящем. Юлия Симбирская – филолог, библиотекарь, а ещё – заботливая мама (Обе Тани. ЛГ 2014. №15); Роман живущего в Эстонии прозаика А. Иванова в минувшем году был осыпан премиями. «Харбинские мотыльки» вошли в шорт-лист «Русского Букера», автор стал лауреатом и либерального «НОСа», и премии им. Юрия Долгорукого Московского фонда международного сотрудничества. Премия эта учреждена для зарубежных авторов, пишущих на русском языке и вносящих весомый вклад в развитие художественных традиций русского языка и литературы (Семя, которое не прорастёт. ЛГ 2014. №13); Автор – известный французский писатель с русскими корнями, лауреат многих престижных наград, в том числе совсем свежей Премии французского языка 2011 года (Листаж и премияж. ЛГ 2011. №43).

Однако отношение критиков к современным премиям достаточно осторожное, не всегда их оценка совпадает с мнением жюри того или иного конкурса. Более того, литературные премии в текстах рецензий зачастую сами подвергаются резкой критике:

Теперь по поводу недоумения. Пути наших российских премий неисповедимы. Особенно в части выбора лауреатов. В 2009 году Елена Чижова была удостоена «Русского Букера» (обратите, кстати, внимание на прилагательное с национальным оттенком, по зоологической терминологии автора «Полукровка» прямо-таки научье!) за книгу «Время женщин». А также Чижова входила в шорт-листы этой премии с романами «Лавра» и «Полукровка». Эти бессменные шорт-листовские симпатии к Чижовой изумляют всё литературное сообщество. Почему с маниакальным упорством туда попадает писатель, мягко говоря, не первого ряда? Неужели нет более достойных? Или тут какие-то закулисные игры, о которых нам неизвестно? (Не пора ли искупнуться? ЛГ 2011. №11-12); Премия «Национальный бестселлер» – вроде выигрывает в карты или в бильярд: выгоды особенно большой не приносит, главное дело – азарт, принцип (Ладно, пляшем. ЛГ 2014. №23).

Это приводит к тому, что меняется вектор оценки самого писателя и его творения или подвергается сомнению значимость премиальных достижений писателя при оценке произведения:

Не важно, что поэт Всеволод Емелин стал недавно первым лауреатом новой Международной премии имени Геннадия Григорьева. Любим мы его не за это (Гражданин Емелин. ЛГ 2011. №2-3).

КХ отрицание достижений. В соответствии со сказанным выше в качестве положительной оценки выступает намеренное указание на отсутствие общепризнанных достижений, что не мешает писателю оставаться настоящим профессионалом, а критику – оценить по достоинству художественное произведение. Используется прием парадокса, когда оценка автора извне (жюри конкурса, коллегами и др.) не совпадает с его внутренним потенциалом, заслуживающим широкого признания:

В современном многоликом литературном сообществе Нина Краснова остаётся поэтом недооценённым. Несмотря на довольно большое количество критических высказываний о её творчестве, мало кто по-настоящему проанализировал его место в сегодняшнем контексте (Талант как отклонение от нормы. ЛГ 2011. №51); Николай Иванович Либан – личность поистине легендарная. Не имея никаких учёных степеней и званий, он почти всю свою долгую жизнь – чуть не дожид до ста лет! – проработал на филологическом факультете Московского университета (Русский человек всё может. ЛГ 2014. №14); Роман Сенчин – писатель третьего эшелона. Он не принадлежит к числу мировых знаменитостей, «живых классиков», к которым наперегонки бегают за благословением политиканы. Он не относится к числу процветающих литературных бизнесменов, застолбивших за собой разные участки и закутки книжного рынка (эта дама пишет слюнявые книжки, а эта – слезливые, вот это – гражданин начальник над цехом по производству бр-р-руталных зубодр-р-робительных боевиков, а это – владетель зыбких замков, рождённых в перистых кокаиновых облаках, и т.д.). Он относится к разряду «широко известных в узких кругах», и это не издёвка, а определение (Этюды в серых тонах. ЛГ 2011. №29); Можно написать – известный радиожурналист, заслуженный деятель искусств России, академик Международной телерадиоакадемии. Можно добавить – работала на «Маяке» и Всесоюзном радио, открывала и была первым главным редактором «Автордио» (...). Но можно и нужно короче и привычнее – Диана Берлин. По волнам её памяти (По волнам её памяти. ЛГ 2014. №9).

3. Основание «основание оценки». Под основанием оценки мы понимаем тот признак объекта рецензии, который определяет вектор оценочной стратегии. Среди таких оснований можно выделить включенность в контекст современной литературы, следование традициям классики, идейно-художественные особенности текста, языковую компетентность писателя и др. Соответствующие коммуникативные ходы, которые мы далее рассмотрим, могут пересекаться с уже названными, такими, например, как похвала, указания на достоинства произведения, и даже выступать их частными разновидностями. Однако мы выделяем эти ходы в особую группу, т.к. они опираются на специфические приемы.

КХ противопоставление типичному современному художественному тексту. Важным средством положительной оценки рецензируемого произведения выступает экспликация тех его художественных особенностей, которые не характерны для остальных современных текстов. Сквозным мотивом рецензий является мысль о том, что современная литература в условиях рыночной философии переживает упадок. Целью писателя становится достижение коммерческого успеха, измеряемого объемами продаж и степенью известности, но, как правило, не качеством книги. Для реализации данного хода используется антитеза *рецензируемая книга - современная литература (редкое - типичное)*, где первый компонент пары наделяется исключительно положительной оценкой, второй - отрицательной. При этом положительная оценка выражается за счет отрицания типичных для современной литературы особенностей или утверждения нетипичных:

И уж с чем точно не поспоришь, так это с тем, что читать Лимонова всегда интересно, чего не скажешь о многих современных авторах (Пятикнижие № 1-2. ЛГ 2015. №1-2); *Это та самая редчайшая критика, где нет примитивной установки – хвалить или ругать и высказывать свои субъективные переживания, навеянные тем или иным произведением, выпячивая тем самым только своё «я».* *Так пишется сегодня большинство рецензий, отчего складывается представление не столько о произведении, сколько о том, кто о нём написал, – только зачем это читателю? В книге – серьёзный добросовестный стереоскопичный анализ текстов, за который авторы, несомненно, отблагодарили бы Владимира Агеносова, будь они живы.* Среди них Н. Гоголь, М. Шолохов, М. Горький, М. Булгаков, Н.Г. Чернышевский, Л. Леонов, Б. Пастернак, Ч. Айтматов, Д.С. Мережковский, Иван Шмелёв, Георгий Иванов, Арсений Несмелов (Митропольский), Иван Елагин (Матвеев), Николай Моршенин (Марченко), Леонид Ржевский (Суражеский), Эм. Казакевич, Марк Алданов и многие другие (Стереоскопическое литературоведение. ЛГ 2012. №36); *А главное – редкость для современной литературы – эта проза сердечна, хотя и совершенно не сентиментальна.* *Интонационно её можно определить так: неброское сочувствие. Во всех её текстах есть сочувствие к человеку, есть понимание человека, есть жалость к нему. И это не выражено в нарочитой сострадательной интонации, а встроено в художественную ткань текста (...)* (Почему Кучерская – не Манро. ЛГ 2014. №21); *У Кострова удивительная интонация, редкая для современной поэзии, – интонация благодарности жизни. Не за её дары, а просто за то, что она была, и была именно такой. Она огромна и благословенна и, может быть, даже более ценна, чем бессмертие* ("Тихая лирика". ЛГ 2014. №20).

КХ продолжение традиций. Именно классическая литература преподносится критиками как образец качественных текстов, обладающих идейным многообразием и художественными достоинствами. Продолжение традиций служит "знаком качества" современных произведений литературы. Средством экспликации данного хода выступает прием интертекстуальности: в текст рецензии вводятся прецедентные имена, указания на типичные для классики мотивы, сюжеты, образы героев и др.:

Словом, Элла Крылова в полной мере принадлежит русской поэтической традиции (своими учителями она считает Блока, Михаила Кузмина и Мандельштама), *создавая при этом произведения, неизменно вызывающие пристальный читательский интерес* (Полотно для ангелов. ЛГ 2012. №36); *Однако в «Золотом шаре» никакой фантастики нет, а есть реальный человек, интеллигент, спивающийся неудачник, задумавший покончить с собой, не театрально и легковесно, а вдумчиво и всерьёз.* *Интонационно рассказ очень чеховский, написанный крупными, выверенными мазками, продолжающий (без всякой иронии) традиции русской классической литературы* (Два сапога – не пара. ЛГ 2014. №12); *На читателя обрушивается шквал аллюзий, реминисценций, ассоциаций, иносказаний, перифразов. Блоковские облака соседствуют с набоковским лугом в мотыльках и жуках. Россия отождествляется с павшим Илионом. (...) Легко и органично вплетаются в стихотворную ткань Атлант и Тантал, Геродот и Еврипид, Шекспир и Вольтер,*

Ломоносов и Херасков, Гайдн и Сальери, Сарасате и Перголези. (Счастье смотреть и мыслить. ЛГ 2014. №17).

КХ апелляция к вечным ценностям. В качестве одного из признаков отнесения художественного произведения к качественной литературе выступает наличие в нем духовно-нравственного начала. Русскую литературу всегда отличало стремление героев к нравственному идеалу, обретению гармонии с миром, желание найти смысл своего существования. И массовый читатель ищет в книге, скорее, ответы на острые социальные вопросы и уроки жизни, нежели гармонию формы и содержания, отточенность стиля. Отсюда обилие концептуальной лексики, называющей принципиально важные для человека понятия: добро-зло, жизнь – смерть, любовь, совесть и др.:

Книга призвана не только привлечь, но и научить размышлять, разбираться в себе, поможет понять, что есть зло, а что – добро (Пятикнижие № 1-2. ЛГ 2015. №1-2); *В этой книге есть совесть, есть доброта, есть свет(...). И, конечно, в книге есть медитации о жизни и смерти, содержащие, как ни странно, подлинное утешение, помогающее преодолеть самый большой страх – страх смерти* (Доверься учителю. ЛГ 2015. №1-2); *Гротескная манера повествования, щедро приправленная юмором, высвечивает не только острые социальные проблемы в обществе, но и вечные, те, которые смогут помочь ребятам разобраться с такими понятиями, как доброта, сострадание, совесть* (Пятикнижие № 49. ЛГ 2014. №49).

КХ указание на новизну, оригинальность объекта рецензии. В качестве пропозиционального содержания выступает указание на новизну представленной в рецензируемой книге информации, наличие у автора собственного стиля, оригинальность подачи материала, художественных образов, мотивов и др. С точки зрения психологии эффект новизны всегда привлекает внимание читателя и, как правило, возбуждает интерес к новому, неизвестному:

В издании впервые в столь широком объёме представлена информация о зарубежных исследователях русской философской мысли, что нередко позволяет видеть её в непривычном для нас ракурсе (Ракурс и объём. ЛГ 2014. №23); *Редко бывает такое, что читать литературоведческую книгу интересно. Перед нами классическое литературоведение о классиках. При этом у Владимира Агеносова своё, индивидуальное и вместе с тем доказательно объективное представление о литературе, в том числе и о советской, которую многие предпочитают просто забыть* (Стереоскопическое литературоведение. ЛГ 2012. №36); *Автором использованы уникальные материалы: рассекреченные документы ФБР, письма, мемуары и фотографии* (Пятикнижие № 1-2. ЛГ 2015. №1-2); *Но самое ценное, что, наверно, есть в Юшине, – это то, что в мозучем русском поэтическом океане, в котором так легко захлебнуться, он держится на своей волне, не соскальзывая с неё ни в банальность, ни во вторичность* (Пятикнижие № 47. ЛГ 2014. №47).

КХ указание на стилистическое совершенство. Пропозициональным содержанием данного хода выступает указание на достоинства стиля писателя, которые связаны с владением такими коммуникативными качествами речи, как богатство, красота, лаконичность, чистота, выразительность и др.:

Проза Шестакова безупречна. Каждая фраза отточенная, гладкая, словно отполированная морским прибором галька. Каждая мысль облачена в ювелирную огранку из слов, неизбежных именно для этой мысли (Домысел, а не выдумка. ЛГ 2015. №1-2); *У автора правильный, богатый русский язык, некоторые тексты прочитываются на одном дыхании* (Пятикнижие № 48. ЛГ 2014. №48); *Стихи Юшина мастерски инструментованы и звучат не горохом в пустой кастрюле, как у некоторых записных ура-патриотов, а действительно разливаются бесконечной соловьиной трелью, бесконечным соловьиным родником* (Пятикнижие № 47. ЛГ 2014. №47).

Подведем итоги. Рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод о том, что многообразные используемые критиками коммуникативные ходы, реализующие тактику

положительной оценки объекта рецензии, могут быть систематизированы на основе таких конституэнтов оценки, как субъект, объект и основание оценки. Использование данных коммуникативных ходов имеет своей целью привлечь внимание читателя к рецензируемому произведению и стимулировать желание приобрести соответствующую книгу.

Тексты медийных рецензий демонстрируют диалектическое единство двух тенденций. С одной стороны, это тенденция к субъективации: критик открыто заявляет о собственных чувствах и мыслях, что позволяет расположить к себе читателя, выстроить с ним доверительные отношения и в конечном итоге навязать ему необходимые установки, приобщив к кругу "своих". С другой стороны, это тенденция к объективации повествования: используются различные техники введения чужой речи, что усложняет авторское начало и позволяет продемонстрировать разные взгляды на один и тот же объект. Однако такой плюрализм часто оказывается иллюзией, так как текст рецензии содержит языковые маркеры оценки чужого слова, благодаря которым в сознании читателя формируется определенная установка (доверие/недоверие) на восприятие чужой речи.

Анализ коммуникативных ходов с точки зрения объекта оценки демонстрирует повышенное внимание критика к личности автора. Качества произведения часто оцениваются сквозь призму профессиональных достоинств автора. В тексте рецензии создается позитивный имидж автора художественного произведения, что позволяет обратить внимание читателя (и потенциального покупателя) на это произведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bednarek, M. Evaluation in media discourse: monografiya / M. Bednarek. - Imprint: Continuum. Series: Corpus and Discourse, 2009. - 272 p.
2. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт: монография / Н.Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1988. - 341 с.
3. Баранов, А.Н. Аксиологические стратегии в структуре языка / А.Н. Баранов // Вопросы языкознания. - 1989. - №3. - С. 74-90.
4. Буглак, С.И. Модальные слова и частицы как средство выражения подтверждения или опровержения достоверности сообщаемого / С.И. Буглак // Русский язык в школе. - 1990. - № 2. - С. 82-87.
5. Васильев, Л.М. Семантическая категория оценки и оценочные предикаты / Л.М. Васильев // Исследования по семантике: Семантические категории в русском языке: сб. науч. ст. - Уфа: изд-е Башкирского ун-та, 1996. - С. 55-62.
6. Вежбицкая, А. Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. - М.: Прогресс, 1985. - С. 18-36.
7. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки: монография / Е.М. Вольф. - М.: Наука, 1985. - 228 с.
8. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования: монография / И.Р. Гальперин. - М.: Наука, 1981. - 140 с.
9. Гуревич, В.В. О субъективном компоненте языковой семантики / В.В. Гуревич // Вопросы языкознания. - 1998. - №1. - С. 27-35.
10. Дускаева, Л.Р. Выражение эстетической оценочности в газетном дискурсе / Л.Р. Дускаева // «Медиаскоп». - 2011. - Вып. 1. - URL: <http://mediascope.ru/node/720> (дата обращения: 25.01.2015).
11. Ивин, А.А. Основания логики оценок: монография / А.А. Ивин. - М.: МГУ, 1970. - 230 с.
12. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О. С. Иссерс. - М.: Издательство ЛКИ, 2012. - 304 с.
13. Лекант, П.А. Несогласие как одно из модальных значений высказывания / П.А. Лекант // Очерки по грамматике русского языка. - М., 2002. - С.113-117.
14. Лопатин, В.В. Оценка как объект грамматики / В.В. Лопатин // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. - М.: Наука, 1992. - С. 70-75.

15. Маркелова, Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке / Т.В. Маркелова // Филологические науки. - 1995 б. - № 3. - С. 67-79.
16. Маркелова, Т.В. Функционально-семантическое поле оценки в русском языке / Т.В. Маркелова // Вестник МГУ. - 1994. - № 4. - С. 12-19. - (Серия IX).
17. Маркелова, Т.В. Частицы в высказываниях с оценочным значением / Т.В. Маркелова // Русский язык в школе. – 1995. – № 2. – С. 87–94.
18. Павлов, С.Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект / С.Г. Павлов // Вестник Мининского университета. - 2013. - № 2. - URL: http://www.mininuniver.ru/mediafiles/u/files/Nauch_deyat/Vestnik/2013-06%202/Pavlov___Minin._Vestnik.pdf (дата обращения: 25.01.2015).
19. Соломатина, А.О. Оценка как базовый элемент стратегий восхваления и дискредитации в политической газетной коммуникации / А.О. Соломатина // Вестник Адыгейского гос. ун-та. - 2014. - № 2. - С. 74-78. (Серия 2: филология и искусствоведение).
20. Чернова, С.В. Процессуальные и непроцессуальные характеристики человека как основа для реконструкции его образа / С.В. Чернова // Рациональное и эмоциональное в русском языке: междунар. сб. науч. трудов. - М., 2012. - С. 554-558.

© Петорова Н.Е., Морева А.Н., 2015